

УДК 947.083+930.85
DOI: 10.17223/19988613/48/4

М.А. Воскресенская

ФЕНОМЕН СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Ставится под сомнение стереотипное представление о Серебряном веке как явлении сугубо эстетического порядка. Обосновывается его понимание как целостного и многомерного социокультурного феномена в рамках русской культуры рубежа XIX–XX вв. Раскрывается значение термина «Серебряный век» в его семантической эволюции и в сопоставлении со смежными понятиями («русский ренессанс», «декаданс», «fin de siècle», «эпоха модерна»). На основе анализа таких системообразующих элементов Серебряного века, как культурная природа, социальная база, язык культуры, хронотоп, выводится его определение с позиций культурно-исторического подхода.

Ключевые слова: Серебряный век; культурно-исторический подход; история России конца XIX – начала XX в.

От автора. Встреча с Анисой Нурлгаяновной (или, как привыкли ее называть ученики и коллеги, Анной Георгиевной) Жеравиной стала знаковым событием в моей жизни и профессиональной судьбе.

Тридцать лет назад мне, тогда первокурснице истфака Томского университета, предстояло определиться с темой своей первой курсовой работы и найти научного руководителя. Меня влекло к постижению культуры – к проблематике, по тем порам, почти маргинальной для историков. Поначалу мои намерения наталкивались на откровенное недоумение и скепсис, но все чаще сквозь настоятельные рекомендации доброхотов подыскать тему «поближе к истории» пробивались советы обратиться к некоей Анне Георгиевне. В то время я еще мало знала преподавателей факультета, упомянутое имя мне было неизвестно, но неоднократно услышав от разных людей произносившееся почти с придыханием «Анна Георгиевна», была заинтригована и поспешила на поиски его загадочной обладательницы. Почему-то в мыслях представлялась строгая дама аристократической наружности с холодно-требовательным взором, заставляющим собеседника внутренне трепетать. Волнуясь, отправилась на кафедру, робко заглянула в дверь.

Анна Георгиевна оказалась приветливой женщиной со спокойным внимательным взглядом и мягкой улыбкой. Расспросила о планах. Выдохнув с облегчением, я выдала заготовленную «программу-максимум»: «Хочу за пять лет учебы освоить всю историю мировой культуры: на первом курсе заняться культурой Древнего мира, на втором – Средневековья, дальше – Нового и Новейшего времени». Анна Георгиевна покачала головой: «Так не пойдет. Заниматься всем – значит ничем. Что именно в истории культуры Вас особенно интересует?». Приоткрыла заветное: «Очень люблю русский Серебряный век».

Надо сказать, в те годы – вторую половину восьмидесятых – само это выражение еще не было на слуху и звучало очень редко. Мода на Серебряный век придет позже. А пока, несмотря на начавшуюся перестройку, многие его имена по-прежнему оставались под запре-

том или замалчивались, многие книги все еще находились в «спецхранах». Анну Георгиевну эти обстоятельства не смущали. Она поддержала мой искренний интерес: «Давайте на Серебряном веке и сосредоточим Вашу исследовательскую работу. А остальное можно изучать в свободном порядке – для расширения культурного кругозора».

Выбор был сделан – и темы, и научного руководителя. Оказалось, это выбор на всю жизнь.

Предлагаемая вниманию читателей статья – приношение профессору Анне Георгиевне Жеравиной, мудрой наставнице, благословившей меня на долгий путь по просторам истории Серебряного века.

Вводные замечания. В сложные переходные периоды становится особенно заметным влияние на ход общественного развития мировоззренческих импульсов, что наглядно продемонстрировала эпоха перемен на излете российского самодержавия. Кризисные процессы рубежной поры, когда страна оказалась на историческом распутье, проявились в том числе и на ментальном уровне. Дальнейшее самоопределение общества в немалой степени зависело от состояния умов и миропредставлений различных социальных слоев. Важную роль в русле данного дискурса следует признать за характером самосознания и образом мыслей культурной элиты как наиболее духовной, мыслящей и образованной среды. Исследование мировоззренческого комплекса российской культурной элиты предреволюционного периода предполагает в качестве существенного аспекта изучение вопросов, связанных с социокультурным обликом Серебряного века, – таких как пространственно-временные ракурсы и смыслообразующие основания этой культуры, формы социальной коммуникации и специфика мировидения ее творцов.

Анализ социокультурных характеристик Серебряного века требует методологической опоры на антропологически ориентированные принципы культурной истории, под которой понимается совокупность направлений и подходов, изучающих прошлое человечества с точки зрения культурных механизмов развития общества. Культурная история представляет собой

не автономную область познания, а особый ракурс рассмотрения исторической действительности: в качестве определяющего фактора общественной динамики выдвигается комплекс доминирующих в социуме идей, миропредставлений, способов мышления и т.п. Культура в таком контексте трактуется «как система отношений, устанавливаемых между человеком и миром. Эта система, с одной стороны, регламентирует поведение человека, с другой – определяет то, как он моделирует мир» [1. С. 277]. При подобных подходах предмет исторического познания становится человек в истории, а не абстрактные надличностные процессы.

Переосмысление в культурно-историческом ключе сложившихся представлений о содержании и смысловых векторах общественных процессов рубежа XIX–XX столетий ставит под сомнение сложившийся стереотип восприятия Серебряного века как явления исключительно художественного порядка. За неизменно артистическими внешними формами его творческого самовыражения скрываются глубинные социокультурные основания породившей этот феномен исторической эпохи. Долгое время Серебряный век рассматривался только как эстетическое явление, совокупность модернистских течений в литературе и искусстве, его изучение велось по отраслям гуманитарного знания, преимущественно искусствоведами и литературоведами. Позже его неотъемлемой составляющей была признана религиозная философия, постепенно расширился круг исследований интеллектуально-творческого наследия русского духовного ренессанса. Но и эта грань культурной эпохи изучается как самодостаточная сфера, в узкопрофессиональном исследовательском поле, вне широкого исторического контекста. Нередко декларируемая мысль о том, что Серебряный век являл собой некую духовную общность, не подкреплена в историографии развернутыми обоснованиями. Для того чтобы они появились, предметом специального исследования должен стать социокультурный модус Серебряного века, т.е. условия его формирования и формы существования как целостного и многомерного социокультурного феномена.

Следует отметить, что при всех солидных наработках, накопленных отечественной и зарубежной гуманитаристикой в ходе изучения культурных процессов того времени, исследователям пока не удастся определиться с критериями единства Серебряного века, установить фундаментальные начала его социокультурной целостности, приблизиться к концептуальному постижению его внутренней сущности. Вероятно, решение этой задачи осуществимо, прежде всего, в предметном поле исторического познания, по сути своей междисциплинарного и интегрирующего. «Без исторического видения культурологическое осмысление феномена Серебряного века оказывается невозможным. Но именно этого видения и не хватает», – заметил много лет назад один из историографов [2. С. 60]. За прошедшее время эта давняя мысль не утратила актуальности.

Имеет смысл попытаться с культурно-исторических позиций уточнить понятие Серебряного века.

Вопросы терминологии. Раскрыть понятие Серебряного века вряд ли возможно, не обратившись к семантической эволюции самого этого выражения. Метафора «Серебряный век», известная в мировой культуре еще с античных времен, в контексте истории русской культуры рубежа XIX–XX столетий приобрела специфический смысл – как обозначение неких духовных тенденций, заявивших о себе в ту эпоху. Кто первым использовал метафору в новом, фактически терминологическом значении, неизвестно. Нередко в данной связи исследователи упоминают имя Н.А. Бердяева, но в его сочинениях это словосочетание не встречается. Ошибочное мнение утвердилось в культурном сознании, видимо, с легкой руки С.К. Маковского: тот уверял, что именно Н.А. Бердяев назвал рубежный период Серебряным веком, «противопоставляя его пушкинскому – “золотому”» [3. С. 258].

Н.А. Оцуп оспаривал эту версию, заметив в письме к Ю.П. Иваску от 19 ноября 1958 г.: «Кстати, не подскажете ли Вы, когда и где Бердяев назвал “серебряным веком” – наш: я, мне кажется, вправе претендовать на авторство сих слов» [4. С. 609]. По всей вероятности, он имел в виду название своей статьи «Серебряный век», опубликованной в 1933 г. Заметим, что в ней это понятие не привязано к конкретной культуре или историческому периоду. Автор высказал мысль, что в любую эпоху «есть золотой и серебряный век искусства» [5. С. 175]. К золотому он относил творцов, гениально выразивших дух своего времени, а к серебряному – тех, кто не сумел стать подлинным голосом эпохи. Впоследствии эта статья будет переиздана в значительно переработанном виде под заглавием «Серебряный век русской поэзии». Новый вариант текста предваряется уточнением: «Пишущий эти строки предложил это название для характеристики модернистической русской литературы» [6. С. 127]. Тем не менее основной смысл статьи принципиальных изменений не претерпел: по-прежнему ведущие художественные феномены эпохи, например творчество А. Блока, неотделимое от модернизма, автор относил к золотому веку, а эстетические явления более низкого, на его взгляд, уровня – к серебряному. Однако в таком понимании данное выражение использовалось в литературной критике и до Н.А. Оцупа, например в сочинениях В.А. Пяста, Р.В. Иванова-Разумника и других авторов. Этот вопрос достаточно подробно исследовал О. Ронен [7].

Совсем иначе трактовал это понятие С.К. Маковский. В его мемуарах, впервые опубликованных в 1962 г., Серебряный век предстает как некая культурная целостность, сформировавшаяся в определенных исторических условиях и отличавшаяся глубоким духовным своеобразием. Описывая социокультурную среду Серебряного века, автор включил в нее «поэтов, писателей, художников, музыкантов, выразивших своим творчеством русский культурный подъем в предре-

волюционную эпоху» [3. С. 257], дополнив этот ряд также именами философов-идеалистов.

Со временем выражение «Серебряный век» из общекультурного обихода или художественно-публицистического дискурса проникло и в научно-исследовательскую сферу. Оно применяется для обозначения специфического круга явлений в русской культуре конца XIX – начала XX столетий, типологически близкого к западноевропейскому *fin de siècle*. Изначально в научный оборот понятие «Серебряный век» было введено зарубежными литературоведами и искусствоведами [8–10]. В период перестройки оно внедряется в отечественную гуманитаристику и с тех пор активно используется, уже не ограничиваясь лишь областью искусствознания. Понятие обросло широким спектром интерпретаций: от обозначения совокупности поэтических течений модернизма до характеристики общего культурного подъема в предреволюционной России. При этом сохраняется проблема «непроработанности термина» [11. С. 5], продолжают теоретические дискуссии в поисках его истинного и точного значения. Все еще не изжито поверхностное и неоправданно широкое толкование Серебряного века, когда под ним подразумевается сам период конца XIX – начала XX столетий в истории русской культуры. Между тем рубежная эпоха включала в себя множество разнообразных культурных составляющих, в том числе такие тенденции и явления, которые не имели отношения к Серебряному веку или даже прямо ему противостояли.

Более обоснованным представляется стремление конкретизировать рассматриваемое понятие. Распространенный сегодня взгляд на область его применения выразил Н.А. Богомолов: «Как кажется, подавляющее большинство исследователей сойдется на том, что Серебряный век – это век нового искусства, нового по отношению к тому, что провозглашал XIX век во всем своеобразии своих устремлений. Из этого очевидно, что мы должны прежде всего рассматривать модернизм в широком смысле этого слова...» [12. С. 8]. Вряд ли можно оспорить это утверждение, но в данном случае мы сталкиваемся с другой крайностью – чрезмерно узким подходом к интерпретации Серебряного века, содержание которого не ограничивается сферой литературно-художественного творчества. Оригинальная религиозно-философская мысль является столь же неотъемлемым его компонентом, что и модернистская эстетика. Более того, необходимо учитывать не только самобытный язык художественного и философского высказывания, отвечавший особенностям нового культурного сознания, но и социальную среду носителей этого сознания с присущими ей стилем мышления и образом существования. При таком подходе Серебряный век мыслится как целостное и многомерное социокультурное образование, сложившееся на основе специфического мировидения в рамках русской культуры рубежа XIX и XX столетий, но не заполнявшее собою всего ее пространства.

Внутренних смыслов и внешних контуров этой уникальной культурно-исторической целостности приведенное рассуждение еще не раскрывает, и все же здесь выражение «Серебряный век» выступает как термин, условное наименование конкретного феномена без каких-либо оценок и сравнений с неким «золотым» эталоном. Однако часть исследователей вслед за О. Роненом, призвавшим исключить его из научного употребления [7. С. 124], отвергает этот термин, по-прежнему усматривая у него негативную коннотацию. Нередко ему предпочитают иные термины: «русский ренессанс», «декаданс», «*fin de siècle*», «эпоха модерна». Сложившаяся ситуация побуждает рассмотреть их подробнее, чтобы выяснить, являются ли они синонимами выражения «Серебряный век» или представляют собой смежные ему понятия.

Подобно термину «Серебряный век», выражение «русский ренессанс» не имеет какого-то определенного автора, хотя его авторство и приписывается все тому же Н.А. Бердяеву. А.А. Ермичев справедливо отмечает, что ренессансные мотивы в духовной атмосфере рубежной эпохи улавливали и отражали публицистически многие ее современники [13]. Вероятно, во многом это было связано с пробуждением российского общества, очнувшегося от апатии «глухих годов» реакции по окончании периода контрреформ. Однако общее эмоциональное возбуждение и оживившиеся социальные брожения сами по себе еще не составляли сути ренессансных процессов в России конца XIX – начала XX в. Н.А. Бердяев, в отличие от других свидетелей эпохи, не ограничивался поэтическими декларациями на этот счет, а попытался раскрыть смысл того, что же, собственно, надлежало возрождать. В статье «Культура и политика (к философии новой русской истории)», написанной в 1905 г., в самый разгар первой русской революции, он провозгласил: «Осуществление нашей столетней политической мечты должно быть связано с великим культурным и религиозным ренессансом России. Только тогда мы будем знать, во имя чего действовать и творить. Мы ставим своей целью не только элементарное освобождение, но и ренессанс культурный, создание культуры на почве обновленного религиозного сознания» [14. С. 326]. Речь шла о возвращении к тем духовным ценностям, которые были отброшены революционно-демократической интеллигенцией с ее крайне политизированным и секулярным сознанием. Впоследствии многие мемуаристы, характеризую русскую жизнь той поры, выделяли как одну из примечательных ее особенностей возрождение религиозной потребности у части интеллектуально-творческой общественности, остро ощутившей узость и плоскость позитивистски-рационалистического мышления.

В советской историографии эти духовные искания обычно обозначались термином «богоискательство» и расценивались как реакционное явление буржуазной культуры, в то время как мыслителям русского зарубежья по-прежнему ближе было выражение «русский

ренессанс». Одним из первых в эмигрантской литературе его упомянул П.П. Сувчинский, назвавший так культурный подъем рубежа веков, среди ярких представителей которого он выделил ряд религиозных философов и модернистов [15. С. 136–137]. Однако глубокого развития эта тема в его трудах не получила. Закреплению термина «русский ренессанс» в культурном обиходе и исследовательской традиции способствовал опять-таки Н.А. Бердяев, активно использовавший его во многих философских и публицистических сочинениях [16–18]. При этом, в отличие от своей ранней статьи, в эмиграции мыслитель не столько теоретизировал о предполагающемся в неопределенном будущем культурном возрождении России на религиозной основе, сколько описывал предреволюционную духовную обстановку и анализировал характерные для того времени культурные тенденции. К ведущим явлениям русского ренессанса он относил «новое религиозное сознание» и эстетику модернизма. Н.А. Бердяев не вывел четкой дефиниции этого понятия и применял к нему многовариантные формулировки: культурный ренессанс, духовный, религиозно-философский, художественно-эстетический и пр. Под ренессансом он подразумевал не этап культурной истории, а специфический ментальный процесс, захвативший узкий круг культурной элиты, чьи идейно-творческие искания стали, по сути, мировоззренческой основой культуры Серебряного века. Иными словами, русский ренессанс – это комплекс умонастроений, свойственных творцам Серебряного века. Термин скорее отражает общую направленность их мыслей и переживаний, чем обозначает некое целостное социокультурное образование.

В культуре рубежа веков, вмещавшей в себя очень многое, парадоксальным образом сочетались русский ренессанс и декаданс, т.е. мотивы возрождения и упадка. Широкая публика ассоциировала декаданс с «порочной» модернистской средой и новыми художественными веяниями, звучавшими резким диссонансом привычному голосу реалистического искусства. Между тем декаданс, и в самом деле по-своему направлявший идейно-художественные искания того времени (заметьте: не только модернистские), представлял собой не эстетический феномен, а явление социально-психологического порядка. Произведения искусства и литературы, проникнутые декадентскими настроениями, не укладывались в рамки какого-то определенного художественного течения. Эмоциональный и моральный упадок отражал глубокую разочарованность одинокой тонко чувствующей души в мире, где утвердились утилитарные ценности и бездушный прагматизм буржуазной эпохи. Это специфическое духовное состояние (и отчасти модная поза) было характерно для всей европейской культуры *fin de siècle*, к которой, безусловно, принадлежал и русский Серебряный век. Понятие «*fin de siècle*», или «конец века» в переводе с французского, в культурно-историческом контексте подразумевает не буквальный календарный смысл, а завершение боль-

шого исторического цикла, переходное состояние общества, охваченного тревожными «предчувствиями и предвестиями» грядущих грандиозных перемен. Как и в случае с Серебряным веком, это выражение, несмотря на кажущийся темпоральный подтекст, не является строгим хронологическим обозначением. Оба термина могут рассматриваться как метафорическое наименование совокупности специфических тенденций в культуре рубежа XIX и XX столетий: *fin de siècle* звучит привычнее по отношению к европейской культуре в целом, Серебряный век – конкретно к русской. И в том и в другом случае социокультурная ситуация порубежья складывалась в атмосфере декадентства. Как подчеркивает О. Ронен, «исторический декаданс не был упадком творчества. Он был упадком жизни и упадком общества» [19. С. 224]. Небывалый расцвет художественной, философской и научной мысли *fin de siècle* никак не свидетельствовал о вырождении искусства и интеллектуальной сферы, напротив: «Упадок века был великолепен» [Там же. С. 225]. Прозвучавшие в литературе и философии декадентские мотивы не служили проповедью моральной деградации, не превращались в эстетское смакование уродливых сторон жизни. Художники и мыслители использовали их для развенчания духовных недугов современной цивилизации. На это указывал еще Ф. Ницше: «Современный пессимизм есть выражение бесполезности современного мира, а не мира и бытия вообще» [20. С. 63].

Разумеется, многоликая культурная жизнь бурной переходной эпохи не исчерпывалась болезненными явлениями. Не менее яркой ее характеристикой, чем декаданс, было тяготение к красоте, эстетизация всех сторон существования, включая быт. Не случайно исторический период на стыке XIX и XX вв. нередко называют эпохой модерна – с отсылкой к ведущему художественному стилю того времени. Примечательно, что этот последний в истории мирового искусства «большой» стиль именовался модерном именно в России. В других странах он получил другие названия: сецессион, югендстиль, либерти, ар нуво. Выражение «эпоха модерна» воспринимается скорее как поэтическое определение, довольно расплывчатое по содержанию, чем строго научное понятие, отражающее конкретно-историческую реальность.

Сопоставление смежных понятий позволяет многое уточнить в понимании изучаемого явления. Однако на этой основе вряд ли можно вывести его полноценную дефиницию – для этого требуется всесторонне рассмотреть сам стоящий за термином феномен. Постигание социокультурной специфики Серебряного века предполагает определение его внешних очертаний и выявление внутреннего смыслового содержания. На этих вопросах следует остановиться подробнее.

Серебряный век в фокусе культурно-исторического анализа. Серебряный век воплотился в единой системе творчества, миропонимания и образа жизни, развернувшись в комплексную социокультурную це-

лостность. Его культурные границы – содержательно-смысловые и пространственно-хронологические – достаточно условны, подвижны и проницаемы, но вместе с тем вполне установимы, поскольку абрис этой своеобразной «культуры в культуре» задается ее глубинной сущностью. Социокультурные основания и контуры Серебряного века как системной целостности раскрываются через описание и анализ его системообразующих элементов, в качестве которых выделяются культурная природа, социальная база, язык культуры, хронология.

Единство Серебряного века определялось его принадлежностью к неоромантизму как типу культуры. Под неоромантизмом следует понимать не литературное направление или художественный стиль, а характер мировосприятия, самосознания и самовыражения культуры. Романтическая природа проявилась во всех доминионах культуры Серебряного века – в искусстве, словесности, философии, повседневном бытовании, общественной практике. Она дала о себе знать такими существенными для Серебряного века чертами, как повышенный интерес к внутреннему миру человека и метафизическим проблемам бытия, религиозность, толкуемая не догматически, а как живой интерес к духовно-идеальному наполнению действительности, высокая знаковая насыщенность культуры, эстетизм, сознательное мифотворчество и, как вариант, жизнетворческие устремления художников, их склонность к артистическому универсализму, общее тяготение эпохи к мировоззренческим синтезам, театрализация жизни, игра как принцип жизнестроения.

Расцвет неоромантической культурной традиции в России в эпоху *fin de siècle* был обусловлен определенными историческими обстоятельствами. На протяжении почти всего XIX в. российской духовной ситуации больше отвечали просветительские тенденции, остро актуальные для страны с неизжитым крепостничеством и огромными массами неграмотного населения. В пореформенную эпоху, не вытесняя их, а дополняя в сложном, противоречивом взаимодействии, усиливаются романтические настроения. Их распространение наблюдалось прежде всего в столичных интеллектуально-художественных кругах и было непосредственно связано с неприятием творческой натурой буржуазно-мещанского и утилитарно-позитивистского духа современной действительности. Это был протест исключительно культурного свойства, он не носил социально-политического характера ни в охранительно-консервативном, ни в революционно-демократическом смысле.

Неоромантизм был примечательным, но не всеобъемлющим явлением русской культуры эпохи *fin de siècle*. Романтическое мироощущение в основном захватило локальную социальную группу – культурную элиту российского общества рубежа XIX–XX столетий, составившую социальную базу Серебряного века. В нее входила часть высокообразованной интеллиген-

ции, отдававшей приоритет культуре в системе ценностей, предпочитавшей творческую деятельность политической активности и считавшей необходимым условием общественного переустройства духовно-нравственное совершенствование мира. Эта социальная страта образовалась в результате расслоения интеллигенции. Ее становлению способствовали российские социокультурные реалии той поры: развитие системы высшего образования, набравшей силу благодаря просветительской государственной политике, расширение слоя читающей, глубоко мыслящей и равнодушной к искусству публики, чрезвычайно возросший к концу XIX в. социальный статус художника, либерализация цензуры и облегчение выезда за границу. Представители нового типа интеллигенции, заметно выделявшиеся на фоне разнородности высокими жизненными запросами, духовными ценностными ориентирами, широтой интеллектуального и художественного кругозора, не приняли народнических идеологических доктрин, особенно в части экстремистских способов их практической реализации, и не разделяли общих принципов миропонимания шестидесятников. Культурный конфликт был вызван не просто сменой поколений. Внутри прежде единой социальной группы произошел раскол между культурной элитой и революционно-демократическим крылом интеллигенции. Непримиримое столкновение их общественных взглядов генерировалось не столько идейно-политическими разногласиями, сколько несходством общемировоззренческих позиций. Культурной элите были чужды установки вульгарного материализма и воинствующего атеизма, классовая нетерпимость и склонность к политиканству их идейных оппонентов.

Среда творцов Серебряного века предстает в аналитической ретроспективе как своеобразное духовное единство, сложившееся на основе схожести умонастроений. Социальное бытие в этом специфическом сообществе выстраивалось в формах интеллектуального и творческого общения, нередко с элементами театрализации жизни и эстетизации действительности. Артистический принцип жизнестроения мыслился методом будущего переустройства социума. Обособленность элитарной интеллектуально-артистической среды, недоступной для свободного внешнего проникновения, придавала ей необычайную притягательность в восприятии сторонней публики. Стиль жизни и образ мыслей творцов Серебряного века, казавшиеся обывателю декадентскими, породили волну подражаний, но она не смогла стереть печати исключительности, эксклюзивности с лика этой культуры.

В литературно-художественном творчестве, концепциях религиозной философии, умонастроениях, способах социальной коммуникации, элементах повседневности Серебряного века находило свое выражение уникальное, неповторимое мировидение культурной элиты. Его формирование было предопределено настоятельной потребностью упорядочить пришедший в

хаотическое движение мир, ставший вдруг непредсказуемым в условиях грандиозных общественных сдвигов и кризисного состояния науки, оказавшейся не в силах объяснить природы явлений, обнаруженных в ходе новейших исследований и открытий.

Эпоха *fin de siècle* опровергла мнимое методологическое превосходство позитивизма, серьезно оспорив его претензии на роль универсального средства миропостижения. По-новому увиденная реальность и разочарование в научно-детерминистских дескрипциях побудили вернуться к опыту мифопоэтических моделей мира и актуализировать символизм в качестве языка культуры, отвечающего антипозитивистскому мировосприятию. Это означало не реставрацию архаики, но возрождение мифа как принципа мироосмысления. Миф оказался в иных случаях предпочтительнее сциентистских схем, поскольку он не объясняет реальность, не всегда поддающуюся аналитическим процедурам, а фиксирует в символических формах ее важнейшие для социума стороны и состояния. В сознании творческой личности Серебряного века мир предстал метафизической проблемой. За пределами видимой, чувственно осязаемой действительности проступали символические очертания иной, высшей реальности, неподвластной рациональному познанию, но направляющей все течение человеческой жизни. Миропредставления культурной элиты не всегда соответствовали ортодоксальным религиозным устоям, но неизменно носили «духоверческий» характер. Они предполагали скорее философское осмысление вневременных и непреходящих вопросов бытия, чем строгое следование церковной догматике.

В своих духовных исканиях творцы Серебряного века были движимы стремлением понять, каким образом в абсолютные законы мироздания вписаны исторические пути человечества, и распознать его дальнейшие судьбы. Отвечая на вызов времени, культурная элита по-своему разрабатывала ведущую тематику рубежной эпохи – проблему кардинального переустройства мира. Избрав в качестве ее концептуального решения мифотворчески-романтический замысел Революции Духа в противовес планам политического переворота, Серебряный век выдвинул самобытную идею жизнотворчества. Типичный для романтического мироощущения мотив неприятия далекой от идеала действительности в культуре русского ренессанса обыгрывался принципиально иначе, чем в западноевропейской традиции: искусство рассматривалось не убежищем от уродливых сторон жизни, а инструментом ее преобразования по законам красоты.

Формы культурного самовыражения социума всегда соответствуют конкретной эпохе и разворачиваются в конкретном пространстве – не только социальном или духовном, но и физическом. Пространственно-временные координаты любой культуры с трудом поддаются окончательному обозначению, их можно установить лишь с относительной точностью. Вместе с тем

более или менее четкое определение хронотопа культуры является необходимым условием проникновения в ее содержательно-смысловую суть.

Начало Серебряному веку положили процессы, казалось бы, отстраненные от насущных проблем времени: обсуждение творческой интеллигенцией форм и языка современного искусства и формирование новых направлений его развития. Однако за вспыхнувшими эстетическими дискуссиями и творческими поисками вставали мировоззренческие контексты эпохи. Согласно сложившейся исследовательской традиции отсчет истории Серебряного века принято вести от публичной лекции Д.С. Мережковского «О причинах упадка русской литературы», с которой он выступил в Петербурге в конце 1892 г., опубликовав ее переработанный текст в 1893 г. отдельной брошюрой под заглавием «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Констатируя настоятельную потребность русской литературы в обновлении и определяя характер назревших перемен, мыслитель выделил «три главных момента нового искусства: мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности» [21. С. 217–218]. Выдвинутые Д.С. Мережковским требования, кардинально расходившиеся с прежними эстетическими идеалами, нашли живой отклик в умах современников. Эта работа стала программным манифестом нового искусства и – шире – новой культурной эпохи. Его положения отражали специфику творческого метода и характер мировидения, уже воплощавшиеся к тому времени на практике в первых опытах русского символизма (пусть и пока еще весьма несовершенных) и предвосхищавшие близившийся философский расцвет «нового религиозного сознания». Разговор с читателем о языках искусства стал отправной точкой для глубоких размышлений о состоянии умов современного общества.

Стоит подчеркнуть, что появление этого манифеста выделяется исследователями в качестве некоей начальной вехи весьма условно. Д.С. Мережковский, при всем новаторстве его идей, отнюдь не был «отцом-основателем» Серебряного века. Культурную эпоху невозможно «учредить» одномоментным актом индивидуальной творческой воли. Новое культурное мышление вызревало исподволь, постепенно, проявляясь поначалу какими-то предвестиями, отдельными «репликами» и тенденциями, в которых намечалось явное расхождение с разночинскими идеалами и представлениями о мире. Знамения грядущего культурного переворота угадывались еще в 1880-е гг.: в философии В.С. Соловьева, теоретических построениях Н.М. Минского, начальных эскизах модернистской живописи М.А. Врубеля, памятниках декоративно-прикладного искусства и архитектуры модерна мастеров «Абрамцевского кружка»... Широкий резонанс, вызванный выступлением Д.С. Мережковского, свидетельствовал о серьезных подвижках в общественном сознании, которое, наконец, оказалось готовым к восприятию све-

жих культурных веяний. Серебряный век стал реальностью не в момент зарождения нового мироощущения и нового языка культуры, а после того как достаточно заметные очертания приобрели слои их носителей – выразителей, с одной стороны, и реципиентов, с другой. По-настоящему новая культура сложилась, когда сформировалось сообщество, постоянно ее воспроизводящее.

Крушение Серебряного века, в свою очередь, было связано с распадом после Октября той социокультурной среды, в которой он творился. Присущие этой среде умонастроения, миропредставления, особенности общения и быта все меньше отвечали стремительным цивилизационным трансформациям. После «философского парохода», ознаменовавшего собой очередную смену культурных элит в российском обществе, Серебряный век окончательно угас. Стиль мышления и творческие методы, свойственные этой культурной эпохе, не исчерпали себя и вне ее пределов, по-прежнему отмечая философскую мысль и художественную деятельность переживших Серебряный век его творцов – и в изменявшихся российских условиях, и особенно за рубежом. Творцы Серебряного века даже после катастрофического для них исторического перелома оставались носителями некогда созданной ими культуры, но теперь это было лишь фактом их личной биографии. Они хранили дух Серебряного века, однако самого Серебряного века в его социокультурной целостности больше не существовало. В революционных катаклизмах рождалась иная культура, потенциал которой оказался более востребованным и жизнеспособным в новой конкретно-исторической ситуации.

При анализе культуры Серебряного века важно определить и ее географические пределы, так как широта пространственного распространения тех или иных культурных тенденций и веяний может служить своеобразным показателем того, насколько они отвечают состоянию массового сознания своей эпохи, его духовным запросам. В этой связи нельзя не отметить, что если хронологические рамки Серебряного века уже долгое время продолжают оставаться предметом споров, то вопрос об «ареале» этой культуры является проблемой не только не решенной, но, по большому счету, еще не решавшейся. Нередко с Серебряным веком отождествляют общий культурный подъем рубежа столетий, всплеск интереса к интеллектуальной и творческой деятельности, рост числа учебных заведений, культурных учреждений, научных и художественных обществ, наблюдавшиеся в то время по всей стране. Однако внутреннее содержание Серебряного века, его глубинная смысловая сущность заключалась все же не в просветительстве. Для того чтобы выяснить, распространялся ли Серебряный век за столичные пределы, необходимо понять характер самосознания провинци-

альной интеллигенции, определить, насколько ей были близки духовные установки и умонастроения культурной элиты, составившей социальную базу Серебряного века. Важно установить, существовали ли в периферийной интеллектуально-творческой среде «люди ренессанса» (по выражению Н. А. Бердяева), которые полагали высшим смыслом своей деятельности переустройство мира на духовных началах. Необходимо также оценить, в какой мере язык художественного высказывания провинциальных художников, литераторов, музыкантов соответствовал новым веяниям, проявившимся в произведениях ведущих творцов Серебряного века, присущи ли ему высокая знаковая насыщенность, мифологизм, философская углубленность – ведущие черты искусства той культурной эпохи.

Прояснение всех этих вопросов требует множества специальных исследований с привлечением локального источникового материала, которые пока еще никем не предпринимались. В настоящее время рано говорить о широком выявлении имен, философских трудов, произведений искусства, теоретических или публицистических опусов провинциальных деятелей культуры, в полной мере принадлежавших к Серебряному веку, а не просто оказавшихся его современниками. Приходится признать, что Серебряный век был явлением элитарным не только с точки зрения узости его социальной базы – этот социокультурный феномен имел и весьма ограниченные пространственные рамки. Безусловно, новые культурные веяния в определенной степени были восприняты в провинции. Там они творчески или подражательно усваивались в каких-то своих элементах. Но дух Серебряного века творился все же в столицах, где сложилась особая социокультурная среда, собственно и генерировавшая всевозможные формы его объективации. Культура Серебряного века сложилась и полноценно выразила себя в рубежной конкретно-исторической ситуации, вызвавшей к жизни специфическое миропонимание благодаря уникальному сочетанию условий времени и места: переходной исторической эпохи и замкнутой среды культурной элиты, сосредоточенной в локальных пределах столичных центров.

Подводя итог изложенным выше рассуждениям, в качестве резюме попытаемся вывести рабочее определение Серебряного века, трактующее это понятие в культурно-историческом ключе. Серебряный век как социокультурный феномен воплощался в совокупности процессов и явлений неоромантического характера, протекавших в русской культуре рубежа XIX–XX столетий и выражавших мировидение интеллектуально-творческих слоев интеллигенции, объединенных разрывом с позитивистско-народнической культурной традицией в поисках средств духовно-нравственного совершенствования мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Успенский Б.А. К проблеме генезиса тартуско-московской семиотической школы // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М. : Гнозис, 1994. С. 265–278.

2. Дорохин О.Н. Как пишется история серебряного века // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. Вып. 24. С. 50–68.
3. Маковский С.К. На Парнасе «Серебряного века» // Маковский С.К. Портреты современников. М. : Аграф, 2000. С. 257–580.
4. Оцуп Н. Океан времени. СПб. : Logos, 1994. 616 с.
5. Оцуп Н. Серебряный век // Числа. 1933. № 7–8. С. 174–178.
6. Оцуп Н. А. Современники. Paris : Cooperative étoile, 1961. 230 с.
7. Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел. М. : ОГИ, 2000. 152 с.
8. Proffer C., Proffer E. (eds.). The Silver Age of Russian culture: An anthology. Ann Arbor, Michigan : Ardis, 1975. 500 p.
9. Bowl J.E. The Silver Age: Russian Art of early twentieth century and «World of Art» group. Newtonville, Massachusetts : Oriental Research Partners, 1979. 355 p.
10. Etkind E., Nivat G., Serman I., Strada V. Histoire de la littérature russe. Paris : Fayard, 1987. Т. 4 : Le XXe siècle. L'Âge d'argent. 782 p.
11. Березовая Л.Г. Серебряный век в России: от мифологии к научности (к вопросу о содержании понятия) // Новый исторический вестник. 2001. № 3 (5). С. 4–16.
12. Богомолов Н.А. Серебряный век: опыт рационализации понятия // Богомолов Н.А. Вокруг «серебряного века». М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 7–16.
13. Ермичев А.А. Чем является русский духовный ренессанс? // Ермичев А.А. Имена и сюжеты русской философии. СПб. : Наука, 1914. С. 495–510.
14. Бердяев Н.А. Культура и политика (к философии новой русской истории) // Бердяев Н. Sub specie aeternitatis: опыты философские, социальные и литературные. М. : Канон+; Реабилитация, 2002. С. 310–326.
15. Сувчинский П. П. Два ренессанса (90–920-е годы) // Версты. 1926. № 1. С. 136–142.
16. Бердяев Н.А. Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь» (к десятилетию «Пути») // Н. Бердяев о русской философии. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. Ч. 2. С. 217–235.
17. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: философы русского постоктябрьского зарубежья. М. : Наука, 1990. С. 43–271.
18. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М. : Книга, 1991. 446 с.
19. Ронен О. Декаданс // Звезда. 2007. № 5. С. 222–229.
20. Ницше Ф. Воля к власти. М. : REFL-book, 1994. 352 с.
21. Мережковский Д.С. О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений : в 24 т. М. : И.Д. Сытин, 1914. Т. 18. С. 175–275.

Voskresenskaya Marina A. St. Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia). E-mail: m.voskresenskaya@spbu.ru, marina3010@ngs.ru

THE PHENOMENON OF THE SILVER AGE: THE PROBLEM FIELD OF HISTORICAL-CULTURAL COMPREHENSION.

Key words: the Silver Age; the cultural-historical approach; history of Russia in the late XIX – early XX centuries.

The article is written in honor of the Professor of Tomsk state University Anisa N. Zheravina, who was the author's scientific supervisor when she began to study the history of the Russian Silver Age thirty years ago. The article aims to clarify the concept of the Silver Age based on a critical analysis of the available scientific literature interpretations. The author questions on its stereotypical perception as a purely aesthetic phenomenon. In this paper the author attempts to interpret the Silver Age as a multidimensional and holistic socio-cultural phenomenon. In the section "Terminology Issues" the expression "The Silver age" is examined in journalistic and scientific discourses. The author studies the evolution of its meaning from metaphor with evaluative connotations to the term with the unique socio-cultural background, which developed on the basis of a specific worldview in the framework of Russian culture of the late XIX – early XX centuries. Further the related concepts, that are close but not identical in meaning, are compared: the Silver age, the Russian Renaissance, decadence, fin de siècle, the era of modernity. The section "Silver Age in Focus of Cultural-Historical Analysis" deals with the attempt to define an outer border and to reveal the internal semantic content of the studied phenomenon as system integrity. The author proves that the Silver Age was embodied in the holistic system of creativity, attitude and lifestyle. So it was not a combination of modernist artistic movements, but fully-fledged culture. At the same time one should not understand it as a certain stage of Russian cultural history. The Silver Age became one of the components of a more general phenomenon of the Russian culture of the late XIX – early XX centuries. The section provides analysis of the system-forming elements of the Silver Age, such as cultural nature, social base, language culture, the chronotope of the phenomenon under study. It is shown that the unity of the Silver Age was determined by its belonging to the neo-romanticism as a type of culture. The author gives the characteristic features to confirm its romantic cultural nature. The work identifies the specific historical conditions of formation of the cultural elite of the Russian society of the late XIX – early XX centuries, which formed the social base of the Silver Age. The author displays the peculiarities of mythopoetic perception of the world characteristic of the Silver Age creators' environment and its contribution to the actualization of symbolism as the leading language of culture. Spatial and temporal limits of culture of the Silver Age are also investigated in the article. In conclusion the author gave a working definition of the Silver Age, formulated from the standpoint of cultural-historical approach: the Silver Age as a sociocultural phenomenon was embodied in the combination of the processes and phenomena of neo-romantic in nature which occurred in the Russian culture of XIX–XX centuries and expressed the world-view of creative intellectuals. The break with the positivist-populist cultural tradition united them in search of a spiritual-moral perfection of the world.

REFERENCES

1. Uspenskiy, B.A. (1994) K probleme genezisa tartusko-moskovskoy semioticheskoy shkoly [On the genesis of the Tartu-Moscow semiotics school]. In: Lotman, Yu.M. *Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow Semiotics School]. Moscow: Gnozis. pp. 265–278.
2. Dorokhin, O.N. (1999) Kak pishetsya istoriya serebryanogo veka [How is the history of the Silver Age written?]. In: Mogilnitsky, B.G. et al. (eds) *Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoy nauki* [Methodological and historiographical questions of historical science]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 50–68.
3. Makovskiy, S.K. (2000) *Portrety sovremennikov* [Portraits of Contemporaries]. Moscow: Agraf. pp. 257–580.
4. Otsup, N. (1994) *Okean vremeni* [The Ocean of Time]. St. Petersburg: Logos.

5. Otsup, N. (1933) *Serebryanny vek* [The Silver Age]. *Chisla*. 7–8. pp. 174–178.
6. Otsup, N.A. (1961) *Sovremenniki* [Contemporaries]. Paris: Cooperative étoile.
7. Ronen, O. (2000) *Serebryanny vek kak umysel i vymysel* [The Silver Age as Intent and Fiction]. Moscow: OGI.
8. Proffer C. & Proffer, E. (eds). *The Silver Age of Russian culture: An anthology*. Ann Arbor, Michigan: Ardis.
9. Bowl, J.E. (1979) *The Silver Age: Russian Art of early twentieth century and "World of Art" group*. Newtonville, Massachusetts: Oriental Research Partners.
10. Etkind, E., Nivat, G., Serman, I. & Strada, V. (1987) *Histoire de la littérature russe* [The History of Russian Literature]. Vol. 4. Paris: Fayard.
11. Berezovaya, L.G. (2001) *Serebryanny vek v Rossii: ot mifologii k nauchnosti (k voprosu o sodержanii ponyatiya)* [The Silver Age in Russia: From mythology to science (on the content of the concept)]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 3(5). pp. 4–16.
12. Bogomolov, N.A. (2010) *Vokrug "serebryanogo veka"* [Around the "Silver Age"]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 7–16.
13. Ermichev, A.A. (1914) *Imena i syuzhety russkoy filosofii* [Names and Plots of Russian Philosophy]. St. Petersburg: Nauka. pp. 495–510.
14. Berdyaev, N.A. (2002) *Sub specie aeternitatis: Opyty filosofskie, sotsial'nye i literaturnye* [Sub specie aeternitatis: Philosophical, Social and Literary Experiences]. Moscow: Kanon+; Reabilitatsiya. pp. 310–326.
15. Suvchinskiy, P.P. (1926) *Dva renessansa (90–920-e gody)* [Two Renaissance (the 1890-1920s)]. *Versty*. 1. pp. 136–142.
16. Berdyaev, N.A. (1991) *N. Berdyaev o russkoy filosofii* [N. Berdyaev on Russian Philosophy]. Part 2. Sverdlovsk: Ural State University. pp. 217–235.
17. Berdyaev, N.A. (1990) *Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoy mysli XIX veka i nachala XX veka* [Russian idea. The main problems of Russian thought of the 19th – early 20th centuries]. In: Maslin, M.A. (ed.) *O Rossii i russkoy filosofskoy kul'ture: Filosofiy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya* [On Russia and Russian philosophical culture: Post-October Russian Philosophers abroad]. Moscow: Nauka. pp. 43–271.
18. Berdyaev, N.A. (1991) *Samopoznanie (Opyt filosofskoy avtobiografii)* [Self-knowledge (Experience of philosophical autobiography)]. Moscow: Kniga.
19. Ronen, O. (2007) *Dekadans* [Decadence]. *Zvezda*. 5. pp. 222–229.
20. Nietzsche, F. (1994) *Volya k vlasti* [Will to power]. Translated from German by E. Gertsyk. Moscow: REFL-book.
21. Merezhkovskiy, D.S. (1914) *Polnoe sobranie sochineniy: v 24 t.* [Complete Works. In 24 vols]. Vol. 18. Moscow: I.D. Sytin. pp. 175–275.